

Принцип взаимосвязи и взаимообусловленности учетных массивов обеспечивает такое построение системы криминалистической регистрации, при которой многие ее элементы информационно и структурно связаны, что позволяет пользователю практически одновременно получать необходимые сведения из различных источников – тех или иных учетных массивов и баз данных. Такая возможность реализуется за счет синхронизации процессов накопления, систематизации и предоставления криминалистически значимой информации посредством использования современных информационных технологий передачи данных. Кроме того, данный принцип предполагает сведение к минимуму дублирование информации об одном и том же объекте, подлежащем учету по различным направлениям криминалистической регистрации, что исключает «пересечение» регистрационных признаков.

Таким образом, эффективность осуществления криминалистической регистрации как неотъемлемого и значимого элемента информационного обеспечения правоохранительной деятельности в немалой степени зависит от соблюдения конкретных принципов (общих и специальных), представляющих собой четко структурированную систему, знание и соблюдение которой детерминируют успешность решения соответствующих задач раскрытия (выявления), расследования и профилактики преступлений.

УДК 343.1

Е.А. Семенов

РАЗВИТИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Российское доказательственное право в том виде, в котором оно сформулировано в действующем уголовно-процессуальном законе, есть результат становления и развития отечественной теории доказательств и влияния на нее зарубежного опыта. Как отмечает Л.В. Головкин, теории доказательств «представляют системы научных положений, посвященных доказыванию и доказательствам», формирование которых происходит с учетом особенностей существующих моделей уголовного процесса. На этом основании принято выделять теорию формальных доказательств, теорию свободного доказывания и англосаксонскую теорию доказательств.

Первоначально возникшая теория формальных доказательств сформировалась в рамках инквизиционного (розыскного) процесса и отражает все его архаичные положения. Розыскному процессу присущи следующие признаки: отрицание наличия сторон обвинения и защиты; сосредоточение всего объема полномочий у одного лица, ведущего производство по делу (следователя-судьи); минимизация судебного усмотрения в совокупности с максимально формализованным процессом доказывания. Соответственно, доказательственное право в таком процессе характеризуется установлением исчерпывающих перечней способов доказывания и источников доказательств, юридическая сила которых заранее определена законом, а значит, и оценка таких доказательств происходит формально («механически»). Дифференциация доказательств происходит либо посредством положительной формализации (т. е. доказательству придается по сравнению с остальными повышенное значение), либо, напротив, доказательства признаются менее значимыми. Рассмотренная теория наиболее ярко проявляется посредством следующих латинских формул: *confessio est regina probatiozum* (признание – царица доказательств) и *testis unus testis nullus* (один свидетель – не свидетель).

Во Франции на смену инквизиционному процессу пришла теория свободной (по внутреннему убеждению) оценки доказательств, которая укоренилась в рамках уголовного процесса стран романо-германской правовой семьи. В условиях Великой французской революции требовалось радикальное изменение парадигмы. Так, политико-правовая теория разделения властей нашла отражение и в уголовном процессе посредством функционального разграничения субъектов доказывания (стороны обвинения и защиты). Новшеством также стал отказ от формализации видов доказательств и способов доказывания, при этом все доказательства уравниваются в своей юридической силе, а оценке подлежат исключительно по внутреннему убеждению судьи.

Если теория свободной оценки доказательств развивалась в противопоставлении теории формальных доказательств, то англосаксонская теория самобытно эволюционировала, чему способствовали характерные для английской правовой системы судебные прецеденты и многовековой опыт суда присяжных. Однако многие ее положения по правовой природе сходны как и с первой, так и со второй теорией доказательств. Например, английский институт *corroboration* («подкрепление доказательств» – доказательство принимается в уголовном процессе в совокупности с его дополняющим) является аналогом принижения юридической силы доказательства, что характерно для теории формальных доказательств. Однако англосаксонская модель также сходна с теорией свободной оценки доказательств с отличием лишь в терминологических обозначениях тех или иных институтов. Характерным исключительно для англосаксонской теории является следующее: собирание доказательств осуществляют стороны, что обуславливает четкую регламентацию требований допустимости к собранным ими сведениям; процесс доказывания ограничен институциональным принципом состязательности сторон, что обуславливает, например, возможность применения в доказывании конструкции перекрестного допроса.

Становление российской теории доказательств было заложено первым кодифицированным актом процессуального права – Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС). По итогам судебной реформы были введены положения об отделении обвинительной власти от судебной (ст. 2–5 УУС), состязательности судебного разбирательства (ст. 119 УУС), отказе от формальной оценки доказательств (ст. 776, 801, 803 УУС) в пользу их свободной оценки. Однако сохранялся и ряд ограничений, основанных на формальных дореформенных правилах. Например, некоторые свидетельские показания «признавались недопустимыми по мотивам национальной, религиозной, сословной принадлежности» (не могли свидетельствовать отлучен-

ные от церкви, лица, лишенные всех прав собственности, и др.). Следовательно, соби́рание доказательств базировалось на началах теории формальных доказательств. Новая же модель, основанная на теории свободной оценки, распространялась исключительно на процесс оценки доказательств судьей по внутреннему убеждению.

С приходом советской власти в первом декрете «О суде» 1917 г. установилась главенствующая роль новой социалистической идеологии, которой определялись требования допустимости доказательств, а во втором декрете «О суде» 1918 г. и последующем УПК РСФСР 1922 г. отсутствовали какие-либо формальные критерии оценки доказательств.

На развитие российской теории доказательственного права оказали влияние труды советских ученых-процессуалистов (Р.С. Белкин, В.Я. Дорохов, А.И. Винберг, И.Б. Михайловская, Н.А. Якубович и др.). Их научный анализ института доказательственного права использовался при составлении уголовно-процессуальных законов 1960 и 2001 гг.

Современная наука уголовного процесса, как правило, соотносит доказательство и средство доказывания как содержание и форму соответственно. Полагаем, что такое толкование нашло отражение в формулировке ст. 74 УПК РФ, где в ч. 1 излагается информационная часть доказательства (его содержание), а в ч. 2 – процессуальная часть (форма). Процессуальное значение средств доказывания состоит в обеспечении применения к доказательствам критериев оценки относимости к обстоятельству дела и их допустимости.

Развитие российского права привело к законодательному закреплению в ст. 17 УПК РФ общеправового принципа свободы оценки доказательств, что подтверждает принадлежность российского уголовного процесса (как и других континентальных правовых систем) к теории оценки доказательств по внутреннему убеждению. Вместе с тем наличествуют институты и англосаксонской теории, например в качестве таких критериев оценки доказательств, как относимость и допустимость.

Таким образом, содержание в российской теории доказательств элементов всех трех рассмотренных теорий индивидуализирует ее и способствует установлению баланса между формализованным порядком сбора доказательств, четким перечнем средств доказывания, с одной стороны, и оценкой доказательств по внутреннему убеждению – с другой.

Кроме того, можно сделать вывод о том, что доказательство представляет собой процессуально оформленные (т. е. в виде средств доказывания) сведения об обстоятельствах, относящихся к уголовному делу (т. е. о предмете доказывания), и выступает своеобразным механизмом процесса доказывания.

УДК 343.985

С.С. Сенькевич

ВЕРСИОННЫЙ ПОДХОД ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О НЕЗАКОННОЙ ОХОТЕ

Деятельность следователя при расследовании уголовных дел характеризуется ограниченностью сроков реализации намеченных целей, дефицитом информации о происшедшем событии, большим кругом участников, наличием противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц, постоянно меняющейся обстановкой, ограниченностью ресурсов, поэтому с целью организации своей деятельности следователь осуществляет планирование.

Анализ уголовных дел о незаконной охоте показывает, что выдвижение и проверка следственных версий по делам указанной категории подчиняются общим правилам учения о версиях. При этом по мере проведения следственных и иных процессуальных действий данные пополняются, а с их накоплением производится систематизация, призванная быть базисом для выдвижения новой версии либо подтверждением исходной. Проверка истинности выдвинутой версии проверяется путем исключения имеющихся следствий.

Логической основой планирования расследования являются криминалистические и, соответственно, следственные версии как их разновидность.

Основой версии наряду с имеющейся информацией о совершенном преступлении могут выступать справочные материалы, обобщенный передовой опыт расследования незаконной охоты, аналитические обзоры практики расследования дел указанной категории.

Типичные следственные версии по делам о незаконной охоте могут быть систематизированы следующим образом.

Общие версии:

- 1) незаконная охота совершена определенным способом, выявленным лицом (лицами), в известном месте и установленное время, при известных обстоятельствах, направлена на добычу животного конкретного вида;
- 2) незаконной охоты не было; предполагается, что налицо охота без нарушений уголовного законодательства.

Частные версии:

- 1) охота запрещенным способом: а) использование транспортных средств с включенным двигателем при преследовании животных; б) выкапывание и выкуривание зверей из нор; в) использование химических препаратов; г) применение осветительных приборов; д) использование не зарегистрированных собак и птиц;

- 2) охота совершена лицом, не имеющим на это право: а) охота без разрешительных документов; б) использование недействительных документов; в) незаконная охота совершена на животных, не указанных в охотничьей путевке или разовом разрешении; г) незаконная охота совершена лицом, лишенным права охоты на определенный промежуток времени;

- 3) незаконная охота, совершенная известным лицом;

- 4) незаконная охота совершена неизвестным лицом: а) ранее судимым за совершение аналогичных преступлений; б) ведущим асоциальный образ жизни; в) охотником-любителем; г) получавшим накануне соответствующее разрешение на добычу животного; д) местным жителем;